ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й №48 (4944) ВТОРНИК, 20 АПРЕЛЯ 1965 г. ЦЕНА 4 коп.

МИТИНГ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ

В Большом Кремлевском дворце 19 апреля состоялся митинг советско-монгольской дружбы, посвященный пребыванию в СССР партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики.

В президиуме — члены делегации МНР во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ю. Цеденбалом. Вместе с гостями в президиуме — руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

Митинг открыл первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев.

Горячие чувства дружбы советских людей к братскому монгольскому народу выразили в своих выступлениях слесарь-монтажник электрозавода имени Куйбышева ударник коммунистического труда А. Г. Шпиченков, лауреат Государственной премии, народный артист СССР, кавалер монгольского ордена Трудового Красного Знамени Л. Н. Свердлин, студентка Московского института инженеров железнодорожного транспорта Дина Поликарпова.

На митинге с речами выступили член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал.

В президиуме митинга советско-монгольской дружбы. Фото М. ТРАХМАНА

ДОН, АПРЕЛЬ 1965

Е. ЛОПАТИНА, собственный корреспондент «Литературной газеты»

КАЛЕНДАРЬ уже показывал апрель, а за окном, словно в феврале, кружила метелица. Снегопад сменялся на Дону дождями, распутица голоделом, за короткой, обманной оттепелью следовали морозы.

Нелегко было в таких условиях проводить весенние полевые работы. Механизаторы буквально «крутили» каждый погожий час. Техника стояла наготове, прямо в загонках. Люди переждали, укрывшись где-нибудь поблизости в сараюшках или просто в скирдах, а чуть прояснится, чуть подсохнет — работали, не считаясь с временем, работали днем и ночью. Многие районы посеяли ранние колосовые за трое суток, многие колхозы управились за 55—60 часов, а лучшие посевные агрегаты—всего за 45—48 часов.

— Нынче и темпы небывалые, и качество, — говорит Михаил Иванович Гордиенко, председатель колхоза имени Калинина, закончившего сев первым в Зерноградском районе.—Ну уж и подготовка было! За всю посевную ни один трактор, ни одна сеялка не вышли из строя. Несколько агрегатов, припасенных на случай поломок, так и простояло в резерве. Дружный, организованный сев! Но...

Он вдруг мрачнеет и хмуро выглядывает на улицу. А там и ближних строений не видать — все потонуло в серой мути. Это пыльная буря, примешавшись с Черных земель, прихватывает по пути и подымает в воздух почву с полей, подчас вместе с семенами и молодыми всходами.

— Метет и метет, считай, целую неделю куролесит, — вздыхает председатель. — Нам бы сейчас свеклу да подсолнечник сеять, а тут гляди, как бы пересевать не пришлось...

И все-таки, несмотря на все трудности весны, какая-то приподнятость, какая-то бодрость и, я сказала бы, веселость чувствуется нынче всюду на селе. Может, это от кумачовых полотнищ, посвященных решениям мартовского Пленума ЦК КПСС, может, от больших красочных панно, плакатов, диаграмм и таблиц, рассказывающих о том, какие выгоды получат колхозы и совхозы в результате повышения закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и установления надбавок за сверхплановую продукцию.

Но вот что интересно, вот что знаменательно: радуясь тысячам и миллионам, которые дополнительно поступят в колхозные и совхозные кассы, а затем превратятся в клубы, школы, больницы, детские сады, животноводческие помещения и другие хозяйственные и культурно-бытовые объекты, труженики села, сельские руководители с еще большим удовлетворением говорят о другом.

— Руки нам развязали, с ног путы сняли — это главное. Знаете, как мы теперь развернемся, как вперед зашагаем!

Михаил Иванович имеет право на такое заявление: только в колхозе имени Калинина он председательствует десятый год, а всего работает на председательской должности более полутора десятилетий. Он уже, что называется, на собственной шкуре испытал все «прелести» субъективизма, волюнтаристского руководства, не опирающегося на экономические законы, не считающегося ни с сельскохозяйственной наукой, ни с практическим опытом.

Твердый план закупок на несколько лет вперед открыл перед колхозами и совхозами перспективы, уверенность в работе, возможность самим изыскивать наилучшие пути и методы ведения всего хозяйства и отдельных его отраслей.

Уже по результатам весеннего сева можно сказать, что колхозы всерьез взялись за самый слабый участок — создание кормовой базы.

Наше время вообще не подходит для королей, — потеснили и «королеву полей», захватившую в прошлом непомерно большие площади. Доведена до разумного уровня площадь под «модными» горохом. Возвращаются на поля изгнанницы — однолетние и многолетние травы. Их посеяли и на зеленый корм, и на сено. Расширены площади бобовых, корнеплодов и бахчей.

За счет полноценного и разнообразного корма уже в этом году колхоз имени Калинина предполагает увеличить надои молока на 200—300 литров. При дойном стаде в 2 тысячи коров это 5—6 центнеров добавочной ценной продукции.

В прошлые годы «лихорадка» с мясопоставками приводила к тому, что нередко скот сдавался мелкий, низкой упитанности. Как горько пошутил Гордиенко, на свиней, а «котят» по весу на бойню возили, лишь бы в назначенный срок отрапортовать о выполнении и перевыполнении плана. Никто не торопит теперь колхозы, не заставляет сдавать некондиционный скот. Только за счет прибавки в весе колхозы имени Калинина продали государству дополнительно полторы тысячи центнеров говядины и свинины.

СПОКОЙНАЯ, деловая, творческая обстановка — это вообще характерно сегодня для района. Только одна деталь: в пору бесконечных реорганизаций колхозы и совхозы вынуждали чуть ли не ежегодно составлять новые перспективные планы — то на три года, то на пять, то на семилетку. При этом намеки хозяйств, нередко завышались, им навязывались, по сути дела, дутые цифры.

Сейчас колхозы и совхозы подрабатывают проекты перспективных планов с учетом всего нового, что внесено в жизнь мартовским Пленумом ЦК.

— И представьте себе, их цифры не ниже, а часто даже выше тех, которые мы у себя набрасывали, — сказал мне Демьян Егорович Цыварев, начальник Зерноградского производственного управления. — Каждое хозяйство изыскало у себя резервы для ежегодного наращивания всех отраслей. Вы понимаете, что это значит?

Да. Это значит, что во всю мощь развернулась не канцелярская, а подлинно народная инициатива. Развязанным рукам — горы вороти, ногам без пут — шагать широко и далеко!

Зерноградский район Ростовской области.

ДИАЛОГ ДРУЗЕЙ

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького закончился советско-чехословацкий симпозиум на тему: «Прогрессивные традиции в современной литературе». Четырехдневная дружеская дискуссия литературоведов и критиков двух стран затронула большой круг важных вопросов. Центральным из них стал вопрос о творческом развитии прогрессивных традиций и национального своеобразия в современной литературе.

Ученые договорились о встрече в будущем году в Братиславе для продолжения диалога на тему: «Национально-особенное и интернациональное в современной литературе».

ПАМЯТЬ ВРЕМЕНИ

Сергей КОНЕНКОВ, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии

ИСТОРИЯ и искусство — каждое по-своему — отвечают на вопрос, как жить человеку. Это — важнейшие двигатели духовной жизни человечества. Солнце истории освещает современность, помогая нам лучше понять настоящее, уверенее строить будущее. Особенно остро я ощутил это, когда вскоре после Октябрьской революции участвовал в осуществлении разработанного В. И. Лениным плана монументальной пропаганды. Этот поистине исторический по своему значению план предусматривал создание большого числа памятников великим революционерам, мыслителям, ученым, писателям, художникам. Ильич стремился сохранить и сделать достоянием широких масс трудящихся духовные сокровища, созданные гением народа. Ленинское отношение к памятникам культуры как к ценнейшему наследию прошлого было закреплено рядом постановлений Советского правительства в 1917—1918 годах. Позднее, в 20-е годы, правительство организовало экспедиции, проделавшие огромную работу по выявлению и учету памятников, представлявших историческую или художественную ценность.

К великому нашему сожалению, работа эта впоследствии была постепенно сведена на нет и почти прекращена.

Шедевры многонациональной культуры погибали по вине некоторых не помнящих родства голоштанов. Вот разительный пример: в Витебске был разрушен уникальный архитектурный памятник XII века — церковь Благовещения. И уже руины пытаются брать на государственную охрану. А русская архитектура нашего Севера? Сохранилось лишь небольшое число построек.

Но дело не только в бережном сохранении, реставрации памятников прошлого. Медленно, непростительно медленно ведется у нас проектирование и строительство новых памятников, которые прославляли бы, увековечивали подвиги советского народа.

А ведь советская монументальная скульптура числит в своем арсенале несравненные художественные образцы. Вспомните «Рабочего и колхозницу» Мухиной, памятник Ленину работы Шадра, мемориалы жертвам фашизма Иокубониса, работы Матвеева, Дивейского и других.

Исторические памятники, места героических боев, дома, связанные с жизнью и борьбой славных революционеров, заслуживают уважение потомков, — все это достояние нашей культуры.

...Мне приходилось много ездить по стране, и я встречал заброшенные в полях и у дорог безымянные могилы. Русская земля, ставшая для врага землей смерти, должна быть для наших павших героев землей бессмертной памяти и преклонения. Это, к сожалению, не всегда так.

Зато какую радость испытываешь, когда видишь: высоко над Днепром на киевской земле вознесся к небу памятник вечной славы советским воинам, погибшим в боях за Родину. Простой этот обелиск и скромные плиты с фамилиями бойцов и командиров наполняют сердце великой благодарностью к тем, кто захоронен здесь.

Хороший пример показывают в этом благородном деле ленинградцы, свято оберегающие памятники героической обороны города революции. Каменная летопись на Пискаревском кладбище сохранит для потомков страницы героического прошлого Ленинграда, по которым будут учиться мужеству поколения людей. Я знаю, что во многих городах и поселках Кировской области люди собирают средства и устанавливают своим землякам, погибшим на фронте, мемориальные плиты и недорогие простенькие монументы. С волнением узнал я, что ребята 240-й школы Свердловского района Москвы решили увековечить подвиг героев-панфиловцев в районе Дубосеково.

Пусть это разрозненные примеры чуть ли не самодеятельного характера. Нужно приветствовать любое начинание, всемерно помогать ему, развивать инициативу. Я не вижу ничего зазорного в том, чтобы средства на памятники воинской славы собирались по доброй воле среди народа. Я убежден, что вовсе не обязательно воздвигать «планетарные», дорогостоящие монументы. Могу сослаться на свой собственный опыт: моя мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», установленная в Кремле в 1918 году, была выполнена из подшевченного цемента.

Есть некоторая опасность в создании монументов помпезных, грандиозных. В недавнем прошлом памятники славы грешили парадностью, были громоздки и даже, может быть, затрудняли восприятие того подвига, который призваны были увековечить. Но есть и другой бич — ремесленнические поделки, напоминающие штампованную «массовую» парковой скульптуры.

Мемориальные доски, каменные стеллы, небольшие фигуры из самых разнообразных материалов, установленные на местах боев, помогут воссоздать особую атмосферу, как бы ввести человека в обстановку совершенного когда-то подвига.

Увековечить память героического прошлого и не менее героического настоящего могут не только скульптурный памятник и монументальное сооружение. Оформленная художником городская площадь, мемориальный музей, библиотека, парк. Дворец культуры — *все это будет напоминанием о мужестве и стойкости народа.*

Возможности тут велики. Успех работы зависит от всех нас, от нашей фантазии и любви к делу.

Кстати, непочатый край работы и у нас в Москве. До сих пор нет памятника славы тем, кто своим сердцем, своей жизнью защитил от врага столицу.

Охрана памятников — и исторических, и архитектурных, и тех, что запечатлели бессмертные подвиги советских людей в Великой Отечественной войне, и тех, что увековечат сегодняшние деяния советских людей, — должна стать делом всенародным. Вспомним замечательную веру Владимира Ильича Ленина, выразившуюся в словах: если массы возьмутся...

Может быть, в преддверии двадцатилетия великой победы советского народа над фашистской Германией стоило бы подумать о том, чтобы создать авторитетную и деятельную организацию из ветеранов войны, писателей, художников, представителей общественности, которая бы сосредоточила всенародные усилия по охране и увековечению памяти людей, совершивших на полях сражений и в тылу в годы войны гражданский подвиг.

Большую роль должны сыграть здесь и исполкомы городских и сельских Советов.

Людей, которые разрушают памятники, я предлагаю ставить вне закона, привлекать к уголовной ответственности.

Многогранность и богатство нашей культуры признаны всем цивилизованным человечеством. Культура народа — не в одних только выдающихся сооружениях. На Руси великой несть числа произведениям, созданным зачастую безвестными мастерами, равными по гению творцам московского храма Василия Блаженного.

Мы должны хранить наше национальное богатство. Должны оставить потомкам и летопись нашего времени— времени, когда Человек шагнул в космос, когда был начат великий поход за счастье и справедливость для всех людей земли.

над чем работает...

Наш корреспондент Г. Бочаникова позвонила в Будапешт и узнала, над чем работает венгерский поэт и литературовед, чье творчество только что отмечено премией имени Кошута.

Габор ГАРАИ

— Недавно издан сборник избранных стихотворений, написанных мною за 15 лет поэтической деятельности. В него включены и еще не опубликованные стихи. Сборник вышел по дню поэзии, который ежегодно проводится у нас в Венгрии 11 апреля, в день рождения нашего замечательного поэта Аттилы Йожефа. Теперь я составляю сборник своих литературоведческих и критических статей о поэзии. Книга должна выйти в конце года.

— И, конечно, продолжаете писать стихи?

— Не только стихи. В феврале в Будапеште на «Литературной сцене» состоялась премьера моей драматической композиции с музыкой и танцами «Восторженная рапсодия». Кроме того, работаю над сатирической комедией, высмеивающей индивидуализм. На сцене она пойдет в будущем сезоне — по всей вероятности, будет поставлена будапештским «Национальным театром».

Наш корреспондент В. Островский связался с Нью-Йорком и узнал, над чем работает известный американский дирижер

Леопольд СТОКОВСКИЙ

— В апреле и мае я буду выступать в 20 городах Соединенных Штатах. В июне и первой половине июля меня ждут гастроли по Японии. Вторую половину июня я проведу в Гонолулу, на Гавайских островах. В августе я дирижирую Бостонским симфоническим оркестром в Танглвуде (штат Массачусетс). В сентябре я еду во Францию, а в октябре начинаю дирижировать Американским симфоническим оркестром в Нью-Йорке.

Без полемики

«ГЕРР» ВМЕСТО «СЭРА»

Итан, английский маршал авиации сэр Морис Хит отслужил свой срок в качестве начальника штаба военно-воздушных сил НАТО в Центральной Европе. С 15 апреля 1965 года этот ведущий пост в НАТО предоставлен генерал-майору западногерманской армии Иоганнесу Штейнгофу, бывшему командовавшему 4-й военно-воздушной дивизией бундесвера.

Как видите, не накануне 20-летия победы над фашизмом эта замена сэра Мориса герром Иоганнесом выглядит как нельзя более символично. Можно представить себе, как осчастливлены жители Мюнстера и Ковенгрэн, Парижа и Орадура, Антверпена и Роттердама сообщением о том, что отныне у них будет пеньек «герой» разбойничьих походов вермахта.

Иоганнес Штейнгоф прослужил в гитлеровской авиации 11 лет. Он награжден высшими нацистскими орденами, надо полагать, не за перевозку сгущенного молока. За что именно — это лучше всего знают те, чьи близкие пали жертвами фашистских воздушных налетов на европейские города.

Впрочем, видимо, именно этот стаж послужил основой карьеры Штейнгофа. Опыт есть опыт. В Боннбурге гитлеровского воина руководителей НАТО (рекламирующих, как известно, «оборонительный характер своего союза) приблен, очевидно, именно опыт агрессивной войны. Прошло ведь двадцать лет. За этот долгий срок ноги у него из бывших противников Гитлера, надо полагать, ослабла память, и они забыли, как печально закончился опыт агрессоров.

героическая летопись

Черная туча

Леонид СОБОЛЕВ

Фото М. АЛЬПЕРТА, А. УЗЛЯНА, Я. ХАЛИПА

УДИВИТЕЛЬНАЯ вещь — старые фотографии, хранящие живое дыхание героических дней Великой Отечественной войны. Я всматриваюсь в них, и в памяти встают первые месяцы сражений.

Тогда, в осажденной Одессе, я впервые увидел матросов, сошедших с кораблей для смертного боя в степи, в агрономических посадках — единственном, но ненадежном укрытии среди плоской равнины. Первый морской полк, созданный старым балтийским моряком Яковом Ивановичем Осиповым для обороны Одессы, вызывал тогда в памяти легендарные видения матросских отрядов гражданской войны.

Немало мною написано об этом поразительном воинском подвиге моряков, сошедших на сушу. Давняя традиция породила это неистовое войско: вспомните Севастополь 1854—1855 гг., Четвертый бастион, Малахов курган, матроса Кошку... И вот вновь на моих глазах оживала эта матросская безаветная доблесть, ничем не удерживая просто, какая-то особая красота отваги, яркая и откровенная нарядность, граничащая с артистизмом, когда в черном бушлате и черных штанах, в черной бескозырке с развевающимися ленточками летит матрос в атаку — неудержимо, неостановимо, шквально, штормово...

Я напрасно оживляет его командир, как опирают руль на повороте корабля: ничто не может сбить с прямого курса, ведущего либо к гибели, либо к победе.

И напрасно говорят кому о том, что не так ведется полевая война, что военная земля — это не морская гладь, что нужно иметь шанцевый инструмент и окапываться, что нужно искусно пользоваться рельефом местности для укрытия от пулеметного огня...

Нет, ни к чему все эти слова для матроса; летит он в рост, летит ураганом, летит, подбадривая себя и других затейливой прибауткой, не всегда для печати годной, летит без выстрела, на штыковой удар.

А когда он не один, а когда бок о бок, локоть к локтю с ним мчатся в атаку дружки, корешки, братки, матросы, то могучее их соединение и образует то, что поразило врага в первые же месяцы войны на юге, что вошло в историю, что стало грозой для фашистов, которые сами окрестили поразительное это военное явление словами «черные дьяволы», «черные комиссары».

Так прозвали их на приодесской равнине, у Дольника, у Гильдендорфа, у Доминовки. Потом события подсказали врагам другое наименование, более выразительное: «черная туча».

Посмотрите на фотографию: вот поднялась эта «черная туча» в атаку, и объектив навсегда запечатлел неудержимый ее порыв.

Кто эти матросы, какой части, какого морского полка, — мы не знаем. К годовщине великой победы они предстают перед нами достоверным видением бессмертного подвига.

Пусть каждый из нас, кто знавал бойцов морской пехоты, назовет про себя дорогие ему имена.

Пусть тот, кому по возрасту или по обстоятельствам войны не пришлось видеть моряков на земле, вглядится в эти черные силуэты и поймет, какими были те, чей боевой порыв запечатлен фотоаппарат военного корреспондента.

ГОРЯЧИЙ патриот, Ломоносов был неутомимым, могучим борцом за внедрение и развитие науки и культуры в России. Сын рыбака-крестьянина, он способствовал прооружению в нашей стране огромных творческих сил. Он положил начало бурному расцвету русской культуры. Дела М. В. Ломоносова ознаменовали резкий перелом в сознании наших соотечественников и иностранцев, они опрокинули бытовавшее у них в прежние времена мнение о «неохоте» и даже «неспособности» русских к науке.

Рассматривая творчество Ломоносова, мы ясно видим, что перед нами самостоятельный, оригинальный и могучий мыслитель. Характерная черта Ломоносова — глубокое проникновение в **существо исследуемой проблемы.** Во многих случаях такое проникновение было основано на здравом смысле, на личных наблюдениях, на далеко идущей интуиции, позволявшей почувствовать приближение к истине там, где логические выводы не имеют надежного базиса. Ломоносов совершил выдающиеся научные открытия, выдвинул новые идеи, высказал гениальные прогнозы, оказавшие развитие науки на многие десятки лет и даже на целое столетие.

Еще в древности высказывались гипотезы об атомном строении вещества. Незадолго до Ломоносова такие представления выдвигали П. Гассенди и Д. Бернулли. Гассенди принимал существование атомов тепла и холода. Однако Ломоносов был первым и в свои годы единственным ученым, последовательно развившим атомные представления, лишенные каких бы то ни было мистических элементов.

Он решительно высказался против существования особой жидкости — теплорода, однако он правильно объяснил температурную характеристику тел внутренним движением частиц, которое, однако, он представлял себе как собственное вращение (вопреки поступательным движениям частиц, так как именно поступательными движениями он объяснял давление.

С помощью этих представлений он впервые дал кинетическое толкование явлениям в физике о существовании абсолютного нуля температуры как состояния, соответствующего прекращению внутренних движений, обсуждая этот вопрос, Ломоносов пишет: «Хотя высшая степень холода возможна, однако нет недостатка данных, говорящих о том, что таковая на земном шаре нигде не существует».

Все это было революционным новым.

Ломоносов проверил закон сохранения вещества при химических реакциях, который он выдвигал и до своих опытов в качестве основного принципа. Результаты этих опытов и точка зрения Ломоносова были опубликованы в Комментариях Академии наук и были известны за границей. Можно считать, что идеи Ломоносова способствовали последующим систематическим опытам с подробными количественными измерениями, позволившими Лавуазье сформулировать 17 лет спустя универсальный закон сохранения массы в химии.

Ломоносов ясно высказывал мысль о необходимости строить химию на количественной основе в тесной связи с математикой и физикой и руководствовался этой мыслью во всех своих исследованиях. Ота, теперь азбучная, истина в то время была новой и имела большое методологическое значение, может быть, еще большее, чем ясно понятая лишь совсем недавно необходимость строить современную биологию на математических и физико-химических основах.

В отзыве на одну из работ Ломоносова Леонард Эйлер писал: «Сочинение г. Ломоносова... прочитал я с величайшим удовольствием. ...Его предположения столь же остроумны, как и правдоподобны, и обливают в этом счастливое умение расширять пределы истинного познания природы, чему он уже и в прежних своих сочинениях представил прекрасные образцы. Нынче такие гении весьма редки, по большей части оставаливаются на одних опытах и не хотят даже рассуждать о них или впадают в такие нелепые рассуждения, которые противоречат всем началам здравого смысла естествучения. Его предположения имеют тем более цены, что они придуманы удачно и правдоподобны: дело не в том, чтобы все они были вполне доказаны, ибо дальнейшее исследование, согласны ли они с истиной или нет, именно и ведет к желаемой цели. Все, что мы теперь достоверно знаем на физики, было прежде обычно в догадки, и если б никогда не допускались догадки, даже ошибочные, то мы бы не добыли ни одной истины».

С большими трудностями преодолев бюрократическое сопротивление, Ломоносов построил в 1748 году первую в России химическую лабораторию и стал основателем химической науки в России. Он намного опередил современников по своему пониманию предмета и задач химии и по определению направлений ее развития.

С самого начала учреждения первой химической лаборатории в ней была поставлена большая связи систематические опытов по приготовлению цветных стекол всевозможным оттенкам для мозаичных работ. Строго поставленные и тщательно описанные опыты, их было более 4000, привели к замечательным результатам. Ломоносов дал методы изготовления стекла любого цветового оттенка. Хорошо известны громадные достижения лично Ломоносова по созданию художественных мозаичных картин.

Вместе с тем нельзя не отметить, что работы по мозаике, требовавшие большой затраты труда и энергии, так же как и выполнение многочисленных поручений, исходивших от академии и от царского двора тратили сосредоточения, не способствовали развитию различных од, бесчисленных проектов по иллюминации к различным торжествам, заказы на сочинение двух специальных трагедий для торжественных спектаклей в царском дворце, а также интриги и царедворцев, которые сговорились к нему со стороны влиятельных руководителей академии, конечно, отвлекали Ломоносова от науки, мешали ему.

Характерным для Ломоносова гибким, богатым, удобным и точным языком для научного мышления и для формулирования научных выводов. Но нужно помнить, что такого положения не было до Ломоносова, русский литературный язык сильно развился за последние 250 лет, и в этом огромная доля заслуга принадлежит М. В. Ломоносову.

Ломоносов был великим просветителем и борцом за честь и достоинство русского народа. Он хотел видеть Россию просвещенной и сильной, однако он определенно предпочитал блеску военной славы величавую «возлюбленную тишину» мира, при которой, по его словам, только и мыслимо культурное развитие народа.

Ломоносов верил, что земля Российская может рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонов», он верил в духовные силы простого народа.

В настоящее время заслуги М. В. Ломоносова признаны во всем мире. В этом я имел возможность убедиться лично, когда прочитал на почетной мраморной доске в Массачусетском технологическом институте в

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

ВЕЛИЧИЕ ЛОМОНОСОВА

Портрет написан художником **Афанасием Беловым** в 1855 г.

Академик Л. И. СЕДОВ

было почетание теоретического анализа с тщательным экспериментом и со стремлением немедленного применения полученных выводов и результатов для решения практических вопросов. Он придавал очень большое значение полезности науки, ее методов, различных приборов и приспособлений в наождавшейся тогда промышленности, в морском деле и вообще в развитии и укреплении государства Российского.

Примером поразительной наблюдательности Ломоносова может служить сделанное им крупное астрономическое открытие 26 мая 1761 года. В этот день многие иностранные и русские ученые и одновременно с ними М. В. Ломоносов наблюдали редкое явление прохождения Венеры по диску Солнца. (Ближайшее аналогичное прохождение Венеры по диску Солнца произойдет только в 2004 г.) Из всех наблюдавших только Ломоносов сумел подметить и установить наличие атмосферы у Венеры.

В настоящее время один человек не в состоянии квалифицированным образом проанализировать все наследие ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова. Во многих специальных научных работах крупных ученых самых разнообразных специальностей: химиков, физиков, математиков, геологов, минералогов, географов, филологов, историков — исследуются работы Ломоносова.

Нельзя не отметить громадных заслуг Ломоносова в области русской истории и русского языка. Он установил важные вехи в истории русской поэзии, ввел новые формы стихосложения, относительно его стихов Белинский, в частности, отзывался так: «Язык чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения».

До Ломоносова в русском языке не существовало научной терминологии и русская речь не была приспособлена к применению в естественных науках; ученые чувствовали себя немыми на русском языке. Заметим попутно, что такие слова, как термометр, барометр, атмосфера, градус и т. п., впервые были введены в русский язык Ломоносовым. В настоящее время русский язык стал, может быть, самым США среди немногих всем известных имен великих ученых имена Михаила Васильевича Ломоносова и Дмитрия Ивановича Менделеева.

М. В. Ломоносов много сделал для распространения просвещения и улучшения системы образования в России. Преодолевая большое сопротивление, он добился основания Московского университета.

Как известно, М. В. Ломоносов написал много од, посвященных царственным особам и некоторым высокопоставленным вельможам, но нельзя думать, что основной целью этих од было стремление доставить удовольствие и заслужить расположение. При внимательном чтении становится ясным, что оды Ломоносова были, в сущности, своеобразной публицистикой или гражданской лирикой; они содержали много благородных идей, ставили своей целью привить патриотические настроения и способствовали действиям, направленным на пользу отечества. Форма торжественных од соответствовала величавому полету ломоносовской мысли.

В тесной связи со сказанным здесь уместно вспомнить, что М. В. Ломоносов был очень «строгим», научные и прочие ожесточенные споры он вел с присущей ему страстностью. И. Д. Шумахер, вредный окорокам и долгие годы фактический властелин Академии, говорил про Ломоносова: «если бы только не было у него одного недостатка, то от него можно было ожидать много хорошего».

Этот «недостаток» приводил к злым побоищам и весьма острым дискуссиям. За свои «продерзости» Ломоносов был даже заключен под домашний арест, который предотвращал полгода.

М. В. Ломоносов не низкопоклонничал перед своими высокими покровителями, он не унижался и не позволял унижать науку. Прямой, смелый пушкает, он, сын простого крестьянина — не роняя своего человеческого достоинства не изменял своих убеждений и не делал уступок высокопоставленным вельможам, с которыми часто встречался в своей деятельности.

Труды и заветы М. В. Ломоносова не пропали даром. Наша страна стала родиной блестящей плеяды ученых, совершивших много великих научных открытий и создавших совершеннейшие приборы и машины во всех областях науки и техники. Советские ученые помнят Михаила Васильевича Ломоносова, гордятся им и воодушевляются его замечательным живым примером.

ТИХОЙ морозной ночью на центральной усадьбе совхоза «Дуниловический» на Витебщине был жестоко избит местный фельдшер, активный селькор коммунист Алексей Иванович Трошко. Это чрезвычайное происшествие и прямо по месяцу первое в маленький белорусский городок Поставы.

— Ах, вы по поводу этого писаки?! — доверительно спросил меня один из руководителей района. — Мы ведь его предупреждали, что добром он здесь не кончит. По-хорошему предлагали перебраться в другое место. Не послушался. Вот теперь и расплачивается...

Эта не очень лестная характеристика плохо вязалась со всем тем, что я уже знал об Алексее Трошко. Судите сами. Девять лет назад он получил на значение в медпункт совхоза «Дуниловический» и с первых дней возглавил здесь комсомольскую организацию. Пять лет он был бессменным вожаком комсомольских комсомольцев, затем два года подряд избирался заместителем секретаря партбюро, а в январе прошлого года коммунисты единодушно избрали Алексея Трошко секретарем партийной организации. За время работы в совхозе был он руководителем агитколлектива и командиром народной дружины, председателем комиссии содействия госпартконтролю и членом товарищеского суда, депутатом сельсовета и редактором боевого листка, лектором и внештатным корреспондентом областной газеты.

Что же произошло? Чем провинился активный селькор и секретарь партбюро? Почему кокется иные и худо говорят о нем сегодня в Поставах?

ПРЕЖДЕ чем ответить на эти вопросы, следует вернуться к тем дням, когда в совхозе впервые появился новый директор Александр Тимофеевич Украинец. В кряжистом русоволосом молодом человеке с резкими энергичными жестами Алексей Трошко сразу узнал бывшего комсомольского секретаря соседнего совхоза, с которым каждый встречался на областной семинаре. Молодые люди быстро нашли общий язык и крепко подружились. Однако вскоре отношения между ними заметно поостыли... Все чаще стали сказываться несхожесть взглядов, различное толкование ими своих обязанностей. Словом, заговорили характеры.

А надо сказать прямо, нрав у Алексея Трошко — не конфетка. Откровенный, ершистый, он был убежден, что как коммунист он в ответе за все, что делается в совхозе. Дипломатичать не любил, да и не очень-то признавал в разговорах всякие нюансы и полутона. А ведь известно, как иной раз тяжко, ох, как тяжко приходится расплачиваться людям за такой вот характер, прямоту. Для того чтобы без обиды воспринять прямое, резкое слово, надобна не только высокая сознательность, но и достаточная мера мужества. Именно этих-то качеств и недоставало новому директору. Заносчивый, болезненно самолюбивый, он, в отличие от Трошко, был твердо убежден, что никто не смеет совать свой нос в его калачный ряд. Каждого, кто пытался вмешиваться в совхозные дела или, чего доброго, давать советы, он рассматривал как своего личного врага, посягающего на его авторитет. Почувствовав в руках власть над большим коллективом, он стал на рабочих поглядывать свысока, повадился покрикивать на подчиненных.

Естественно, что при такой ситуации Алексей Трошко с его привычкой говорить в глаза все, что думает, да еще владеющий острым сельскорским пером, оказался для директора не очень-то приятным подарком. Сначала Алексей Трошко как секретарь партбюро сделал директору замечание о необходимости соблюдать уставные правила при уплате членских взносов. Затем секретарь решительно потребовал от него как от руководителя лекторской группы выполнения партийного поручения, запретив давать о проведенных занятиях липовые сводки. Оба раза директор сурово помрачнел, но смолчал. Но когда секретарь дружески посоветовал ему взять себя в руки и не расшумливаться, как бы рабочие выражают недовольство директорским поведением и приходят в партийный комитет жаловаться на его грубость, Украинец взорвался.

— Не позволю подрывать мой авторитет! — закричал он. — Запрещаю тебе принимать на меня жалобы! Понял?!

На Алексея Ивановича этот окрик не произвел большого впечатления. Поэтому, когда вскоре директор, собираясь в гости к теще, взял ей в подарок из совхозной столовой муку, предназначенную для рабочих, селькор, не задумываясь, предал этот недостойный поступок гласности. Тут уже директор пришел в ярость. Припомнив, что его предшественник был снят не без активного участия селькора, он решил, что, пока еще не поздно, надо срочно избавиться от неудобного и негуглого человека.

Конечно, Алексей Трошко — не ангел. У него, как и у всякого человека, есть свои слабости, свои недостатки. Отдавая, например, слишком много времени общественной работе, он, случалось, не всегда быстро успевал управляться с делами служебными. Горячился иной раз сверх меры. Был случай, когда в газетной корреспонденции допустил неточность. Одним словом, директор считал, что в его распоряжении вполне достаточно данных для расправы. Все зависит от того, как их, эти факты, преподнести.

Украинец был уверен, что в совхозе никто не станет перечить его воле, никто пикнуть не посмеет в защиту Трошко. Он знал, что есть люди, которые давно таят обиды на селькора. Одного тот покритиковал в газете, другого на собрании, третьего разрисовал в боевом листке. Теперь эти люди, увидев, что директор открыто объявил войну селькору, осмелели и гуртом навалились на фельдшера. Ничего не забыли. Все припомнили. За все посчитались. Столько ярлыков понавешали, — не счесть: купил поросенка — спекулирует живностью; выдал больному рабочему больничный лист — подстрекает к саботажу: перепутана цифра в газетной статье — клевета в печати...

— Я вам, дорогие товарищи, открою истинное лицо этого человека. — выложил директор на партийном собрании свой главный козырь. — Вот он пишет везде, критику на всех наводит. А, спрашиваю, для чего? Для отводу глаз. Сам-то в это время личным хозяйством обрастает. Двух поросят в сарае держит. И вообще этот Трошко потерял вкус ко всему советскому. Недавно я собственными глазами видел, как он покупал материал жене на платье. И материал этот был, товарищи, иностранный!

...Алексея Трошко сняли с работы, лишили депутатского мандата, вывели из состава партийного бюро и перевели в кандидаты партии. Наконец, чтобы пресечь его сельскорскую деятельность, попросили редакции газет не печатать его статьи и заметки.

СТРАННАЯ картина. Вчера еще человек был у всех на виду, его окружали почетом и уважением, доверяли ответственные поручения, выдвигали и одаривали за отличную работу. Но стоило только директору бросить в этого человека один камень, как тут же, словно по команде, весь он был измазан грязью. От него отвернулись, никого уже не интересовали ни сам этот человек, ни его судьба.

Это объясняется сложившейся здесь нездоровой атмосферой угодничества, грубым директорским диктатом. Вот почему ни один коммунист в совхозе не встал на защиту своего секретаря. Но читатель вправе спросить, почему в таком случае не вмешались в эту возмутительную историю районные организации. Дело в том, что районные-то организации знали директора только с одной стороны как неплохого организатора. О всех делах Украинца в районе судили в его же слов, глядели на все его же глазами. Слепо поддерживая директора во всем, в районе наивно полагали, что этим укрепляют и утверждают среди рабочих его авторитет. Между тем подобная практика развращает человека, облеченного властью, порождает у него чувство безнаказанности, создает благодатную почву для произвола. Нет, не случайно районные организации, вместо того чтобы одернуть распоясавшегося администратора, не нашли ничего лучшего, чем предложить Алексею Трошко «по-хорошему уехать из совхоза», другими словами, трусливо отступить от своих убеждений, принципов. Но Алексей Трошко не был трусом...

И справедливость восторжествовала. Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии взял под защиту селькора, внимательно разобрался во всей этой истории и восстановил Алексея Трошко в рядах партии. Вслед за тем Поставский народный суд восстановил его на работе.

Здесь следовало бы поставить точку. Но восстановление селькора было воспринято директором совхоза как сигнал к новой, еще более оголтелой расправе над Трошко. Чтобы иконец издергать, затравить человека, Украинец категорически запретил продавать в совхозной столовой Алексею Трошко молоко для его двухлетнего ребенка. Дело дошло и до физической расправы. Под покровом ночи инженер Константинов и шофер Ластовский нестого избили «возмутителя спокойствия». А Поставский суд до сих пор никак не соберется разобрать это дело. Люди же, надругавшиеся над селькором, продолжают травить его с еще большей наглостью и ожесточением.

Рабочий совхоза Антон Кожерновский с возмущением рассказывал мне, что недавно вечером он заглянул в медпункт, чтобы посоветоваться с фельдшером о своем здоровье. А на следующий день его неожиданно вызвал новый секретарь партийного бюро Алексей Петрович Дедковский и стал грубо вырывать признание в том, что Алексей Трошко якобы подговаривал его, Антона, напасть на директора и поджечь его дом. Не более и не менее!

Дело обстоит совсем не так, как представляет его себе кокетко в Поставском районе. И в этом воочию убедились ответственные работники района партии, которые вместе со мной провели в совхозе немало времени. Они убедились, что речь идет не о личных обидах и вздорной ссоре. Случай этот перерос рамки частного конфликта. Схлестнулись две силы, две нравственные тенденции. И хочется надеяться, что уже теперь поставские товарищи решительно пресекут недругательство над коммунистом седьковым и дадут всей этой возмутительной истории зрелую общественную оценку.

А пока схватка в Поставах продолжается...

ФЕЛЬЕТОНИСТ ВЫЕХАЛ ПО СИГНАЛУ

СХВАТКА В ПОСТАВАХ

Камил ФАИЗУЛИН

РЕПЛИКА В СПОРЕ

Ознакомившись с дискуссией, предлагаю свой проект целлюлозного комбината на Байкале, разрешающий все затруднения проектировщиков.

Генеральный конструктор по авиационной технике О. АНТОНОВ

ЛГ интервью

О ТРУДЕ И РАБОЧЕМ КЛАССЕ

Закончился первый тур всесоюзного конкурса на лучшие пьесы о труде и рабочем классе СССР. Наш корреспондент беседовал с членом жюри драматургом Афанасием Салынским. Вот что он рассказал:

— Как известно, конкурс проводят совместно ВЦСПС и правление Союза писателей СССР. Его цель — способствовать созданию оригинальных пьес о героическом труде, о красоте и духовном богатстве советского человека. Конкурс должен значительно обогатить репертуар наших театров. Кроме того, мы верим, что это творческое соревнование поможет найти новых талантливых авторов.

Во всесоюзное жюри поступило уже более 150 пьес, рекомендованных на второй тур от республиканских и областных жюри.

Сейчас еще рано подробно говорить о наших впечатлениях, но предварительное ознакомление с пьесами свидетельствует о жанровой широте и многообразии поднятых тем.

В жюри всесоюзного конкурса входят известные драматурги, критики, представители театров. Отрадно, что за одним столом с нами сидят рабочий завода «Каучук» А. Калинченко, конструктор Гго государственного подшипникового завода Л. Баранов, слесарь завода малолитражных автомобилей В. Бахирев и другие.

Вместе с уже отобранными произведениями на второй тур допускаются работы профессиональных драматургов, которым послано около трехсот приглашений. Разумеется, свои пьесы они тоже будут подавать на конкурс под девизом. Закончится второй тур 1 июля. И тогда мы сможем назвать тех, кто создал лучшие произведения.

ПЕСТРОТА ИЛИ ПРОСТОТА?

ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Викт. ОРЛОВ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ программы прошлой недели (как, впрочем, и предыдущих) привлекают разнообразием названий, рубрик, тематических передач. В последнее время они рождаются во множестве, рождаются, быть может, даже слишком обильно — так, что уже начинает двоиться в глазах. За «Музыкальным киоском» появляется «Музыкальный календарь». За альманахом «Тебе, юность!» — сборная программа молодежной передачи, к которой еще не придумано названия.

Что стоит за этим калейдоскопом? Попробуем разобраться. Разобраться спокойно и с уважением к труду и творческим поискам работников телевидения.

...НАПАДАТЬ на телевидение у нас, к сожалению, стало модой. Подборка из двух-трех сердитых писем по частным случаям, опубликованная в газете, выглядит внушительно. — и начинается очередной разговор об очередном кризисе телевидения.

А люди, между прочим, продолжают сидеть у экранов. И не так уж часто пользуются пресловутым «протестом путем выключения».

Тем не менее о том, что мешает телевидению, поговорить никогда нелишне. А мешает еще много.

Было немало разговоров о «кризисах», «отсутствии новых форм» и необходимости поисков. Последнее безусловно верно. Но вот вопрос: что искать? Главное или побочное? Суть или ее оболочку? Точнее — новое содержание или только новую форму? Беспредметные разговоры о «новых формах», как и всякие формальные разговоры, тем плохи, что по сути, игнорируют главное — содержание. А ведь люди собираются вечерами у телевизоров для единственной цели — больше узнать о жизни.

У нас нет того «засилья» телевидения, о котором по многим причинам тревожатся думающие головы на Западе. И театры, и киноэкраны, к счастью, не пустуют, и по-прежнему утром и вечером люди штурмуют газетные киоски. Но о том, что на долю телевидения перешла или, вернее, должна была бы перейти значительная часть информации — в самом широком смысле этого слова, — говорить нужно.

На деле — дело. Телевизор включает школьник, бредящий ракетами. Включает юноша, для которого мир полон тысячью вопросов. Включают колхозник, бухгалтер и профессор. Включают пытливые, пытливые и просто любопытные видоискатели новостей.

Для первых двоих телевидение приготовило россыпь названий. Не будем сейчас говорить о школьных передачах — это тема отдельной статьи.

Из передач для молодых выделяются хорошо налаженные конкурсы и викторины, прямо работающие на любознательность, вроде последней викторины «Наш друг — Румыния» и олимпиады юных биологов. Разнообразные передачи «В эфире» — «Молодость» иногда страдают несобранностью и поспешностью, с одной стороны, и помпезностью, ложной многозначительностью, — с другой, но не страдают отсутствием нового и разнообразного. Недаром работают такие заметные — «Проспект Молодости» и «КВН». Однако в последнее время «КВН» приобрел несвойственные его природе черты солидности и чуть ли не «государственной значимости». «Утяжеление» это прямо в уникальной «методической» передаче 11 апреля, где серьезные редакторы давали серьезные указания о том, как организовать «КВН» по всей Руси великой. Помилуйте, не теряйте чувство юмора: ведь ежели есть где действительно «веселые и находчивые», они организуют свою собственную игру, и поглядеть вашей, ежели таковых нет — то все указания бессмысленны...

На следующий день, 12 апреля, внимание от «КВН» исправила недавно полюбившаяся альманах «Тебе, юность!». В нем было много того, что действительно интересует и трогает молодых людей 15—17 лет. Вслед за ним 14 апреля прозвучала сборная безымянная программа молодежной редакции, тоже обещающая, кажется, вырасти в молодежный журнал. Но тут же встал вопрос о дублировании. Как вы думаете, товарищи, в будущем разделить реальное содержание передач на то, которое интересует людей 15—17 лет, и то особое, которое необходимо, скажем, человеку лет девятнадцати? Трудненько будет! Не лучше ли, чем ломать голову над новыми кодами и поворотами, над надоевшими языком публицистики, горячо и сердечно поведано о спорах в сельскохозяйственной науке, о проблемах земли и плодов ее?

Особо нужно обратиться к примеру, когда телевидение упустило очевидную возможность рассказать о том, что поистине интересует миллионы...

...НА ТОЙ неделе мы отпраздновали День космонавтики. Отпраздновали его и телевидение.

Днем 12 апреля мы с радостным удивлением узнали, что сегодня обязанности дикторов будут исполнять наши космонавты. Первым выступил Алексей Леонов. Он поговорил с малышами, объявил концерт — увы, обычный концерт детской самодеятельности. Потом мы увидели Юрия Гагарина. Мы были рады ему. Мы готовы были слушать его бесконечно, но он коротко объявил в начале трансляции заседания и концерта из Кремлевского Дворца съездов...

Повторяю, это было здорово — еще раз увидеть крупным планом дорогих наших людей. Это был большой подарок, и, получив его, мы настроились на другие. На новые телепередачи, новые беседы, новые неожиданности и, главное, на новые знания о космосе и его проблемах, новую информацию, ради которой мы включили телевизоры.

Но подарок оказался единственным. В этот день, кроме того, мы слушали очередное выступление С. С. Смирнова, упомянутую передачу «Тебе, юность!». Было еще два хороших старых фильма, наконец-то посвященных высоким космосу: «Первый рейс к звездам» и «Человек с планеты Земля». Но, увы, старых...

Некоторые телевизионные передачи последнего времени раздражают стремлением поразить зрителя налетом сенсационности — опять-таки в ущерб содержанию.

Вспомним рубленый монтаж, скоропорыку, беспрерывные переключения (кстати, то и дело срывающиеся) в таких, например, передачах, как «Эстафета новостей», вспомним помпезную подачу в общем неплохого телефильма «Вызывает огонь на себя», вспомним, наконец, те неприятные случаи, когда телевидение, прямо скажем, нечутко обращалось с живыми людьми. Я не знаю, в чем ценность фотосмника горько плачущего человека. Для меня — это прежде всего свидетельство нетактичности и душевной грубости фоторепортера. Ну, а если человек плачет перед вами не на мертвом фотоснимке, а живой, на телеэкране? А ведь именно так плакали две хорошие женщины в одной из прошлых «Эстафет». Плакали, но могли сказать ни слова,—смотреть на это было непереносимо...

ПИСЬМА

В ТРЕХ СОСНАХ

У известного поэта-дальневосточника Петра Комарова есть отличное стихотворение:

Леса шумят...
В долинах, на пригорках,
Чуть шевеля весенней листвой,
Стоят они в зеленых гимнастерках,
Как будто на поверке боевой.
Спроси их, путник: чем они богаты?
Они ответят: верностью своей...
В зеленых гимнастерках нет солдаты,
Стоят они, защитники полей.

В журнале «Мастер леса» (№ 10 за 1964 г.) это стихотворение было напечатано вновь. Только здесь под ним стоит другая подпись — В. Бардаленко. Посмотрев произведение покойного поэта в журнал «Мастер леса», плагиатор из Челябинска расчитывал (и, по-видимо, не без оснований), что редакция запутается в трех соснах...

Р. ТАКАЛА

ПЕТРОЗАВОДСК

□ □

БЛАГОДАРНОСТЬ

Приношу сердечную благодарность всем организациям, читателям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с моим семидесятилетием и награждением орденом «Знак Почета».

И. ВАСНЛЕНКО

К ПЯТЫКУ ПРИРАВНЯЕ... 1945—1965

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПОДГОТОВЛЕННЫЙ к печати и выпускаемый издательством «Наука» 78-й том «Литературного наследства» — «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» посвящен большой героической теме. Извлеченные из государственных и личных писательских архивов неопубликованные материалы и документы свидетельствуют о том, как с первых дней войны советские литераторы встали в ряды защитников Родины, какой напряженной и разнообразной была их деятельность в качестве корреспондентов и сотрудников дивизионных, армейских, фронтовых и центральных газет, их работа на радио, в «Окнах ТАСС»...

В сражениях Отечественной войны участвовали, помогая разить врага, стихи и очерки, статьи и рассказы, песни и подписи к сатирическим рисункам и плакатам. «Слово писателей в боевом строю» — так озаглавлен один из основных разделов книги.

О работе писателей во фронтовой обстановке говорят включенные в том многочисленные дневники, записные книжки, письма, творческие отчеты, дающие представление о работе литераторов-фронтовиков в разные периоды войны.

Основные художественные произведения тех лет широко известны, но многое еще не извлечено из фронтовой печати, а некоторые произведения по разным причинам остались неопубликованными. «Литературное наследство» имеет возможность познакомить читателей с рядом таких неизвестных произведений, среди которых — ранние фронтовые зарисовки Шолохова, киноповесть Довженко, рассказы Суркова и Платонова, главы из повести Симонова, стихи Гудзенко, Кедрина и др.

Ред писателей — участников Отечественной войны — удостоен звания Героя Советского Союза. В томе им посвящается особый раздел. Многие писатели-фронтовики пали смертью храбрых. В томе приведены новые материалы о погибших.

Редакция «Литературного наследства» будет продолжать разработку большой и важной темы — «Советская литература в годы Великой Отечественной войны». Знакомя читателей «Литературной газеты» с некоторыми материалами, вошедшими в 78-й том, мы надеемся, что они не только заинтересуются книгой, но и окажут нам серьезную помощь в выявлении и собирании материалов, которые еще полнее расскажут о самоотверженном служении советских писателей Родине в суровые, героические годы Великой Отечественной войны.

И. И. АНИСИМОВ,
главный редактор «Литературного наследства», член-корреспондент Академии наук СССР

ДЛЯ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧИ

Михаил ШОЛОХОВ

В августе 1941 года на один из участков Западного фронта прибыл военкорреспондент «Красной звезды» Михаил Шолохов. О первых своих фронтовых впечатлениях, о встречах с красноармейцами и командирами писатель тогда не рассказал в очерках, появившихся в «Правде» и «Красной звезде». Редакции «Литературного наследства» удалось найти в архиве Совинформбюро еще три очерка Шолохова, связанные с этой не его фронтовой поездкой. Написанные для зарубежной печати, они остались неизвестными советскому читателю. С одним из этих очерков мы знакомим читателей «Литературной газеты».

1943 г. Действующая армия. М. А. Шолохов у артиллеристов.

Мой сосед, молодой жизнерадостный лейтенант, посмотрел на светящийся циферблат часов, сонно сказал:

— Немцы бьют из тяжелых орудий. Они обстреливают дорогу, по которой мы ехали сюда. Они каждую ночь ведут беспокоящий огонь. Советую вам не обращать внимания на разрывы и спать. И этому надо привыкнуть. Немцы — аккуратный народ: постреляют ровно пятнадцать минут и замолчат, а через час—полтора снова начнут развлекать нас.

Лейтенант вскоре уснул мо-

Но вот вечером 13 апреля никто на экране не плакал. А мы волновались, глядя на сдержанные кадры хроники, слушая сдержанные рассказы живых людей о начале войны, — шла передача «Дни, которые забыть нельзя». Старая, кажется, форма — хроника и прямое интервью, но, как говорится, побольше бы таких старых форм!

...И ЕСЛИ уж говорить о форме, то о кризисе таких телепередач, как «На огонек». Не пытаясь углубить содержание, обогатить информацию, ведущие беспрерывно находятся в надуманных «поисках». И в результате «Голубые огоньки» давно перестали быть «огоньками». Они были задуманы, как спокойные встречи за чашкой кофе бывалых людей, людей интересных.

Видимо, потерпев ряд неудач с выступлениями людей разных профессий, создатели «огоньков» выбрали легкий путь — вовсе отказаться от таких выступлений. Да, конечно, люди, впервые появляющиеся перед телезрителем, не говорят, как натренированные конферансье. Но, во-первых, нужно искать интересных людей. Во-вторых, суметь их расшевелить, если хотите — подготовить!

Нет, вместо этого теперь мелькают на русских телеэкранах актеры суетятся в надуманных конферансах о том, что кто-то «опоздал» и кто-то «не пришел», играют трубы, бегает по сцене какая-то ведьма, оказывающаяся переодетым актером мужского пола. А при чем здесь, «На огонек»? Это—эстрадные концерты, иногда хорошие, иногда плохие. Вот и «огонек» 10 апреля был не чем иным, как просто хорошим концертом молодых артистов, отъезжающих в Алжир. А следующая передача из Риги — 17 апреля — порадовала хотя бы старой и милой атмосферой «огонька»...

Нет, лучше все-таки честный эстрадный концерт, чем та мешанина, которую частенько устраивают по телевидению. Лучше честная передача серьезной музыки, чем нескладные слова двух ведущих «вокруг и по поводу». Из специфически «телевизионных» форм радует, пожалуй, скромный и обязательный «Музыкальный киоск», снабжающий нас новостями музыкальной жизни. Нужно сказать, что и телевизионная декада музыки П. Чайковского была организована умело и скромно. Особенно запомнилась передача 16 апреля «Рождение симфонии», простой, умный комментарий майора Г. Пожидаева к 6-й симфонии.

Но только ли музыкой, эстрадой и прочим ограничивается та информация, которую телевидение обязано нести зрителям?

Для того чтобы рассказать о новом, важном, интересном, нужно мало — ну, один или два диктора, да моток кинопленки, да живое интервью. И никаких заставок-вороньшков, и никаких напыщенных-мультипликаций! Времена детства скоро прошли, и телевидению пора перестать гоняться только за формой. Оно повзрослело. Оно стало необходимым. Необходимым не потому, что голубой экран — это ново и оригинально, а потому, что этот экран дает нам возможность узнать еще что-то неуслышанное, обогатиться, насытиться той ненадоедающей и желанной пищей, имя которой — жизнь.

Из всех новых форм все-таки самая лучшая — простота.

Сергей ХМЕЛЬНИЦКИЙ

***

По земле суровой ленинградской,
Молчаливой доблести уча,
Сколько их прошло со скаткою солдатской
И винтовкой русской у плеча!
Сколько в этой усталых ног шагало!
Сколько в стужу коченело рук!
Ждать ли, чтоб меня хмелей миновала
Чаша, обошедшая весь круг?
К ней прильнув, и радуясь,
и мучась,
Труд и беды пью, мои друзья.
Почему великую их участь
Разделить не должен с ними я?
Сколько гордых танками
раздавлено!
Сколько ринулось в огонь и дым!
Сколько их погибло
и прославлено!
Почему я должен быть живым?
1943 г.

Публикация Е. ХМЕЛЬНИЦКОЙ

Ленинградский поэт Сергей Хмельницкий сражался на подступах к родному городу.

Семен ГУДЗЕНКО

Могила пилота

Осколки голубого сплава
Валяются в сухом песке.
Здесь все:
и боевая слава,
И серуйка крови на виске...
Из бая выходила роза,
Мы шли на отдых,
в тишину
И над могилою пилота
Почувствовали всю войну.
Всю.
От окопов и до тыла,
Ревущую,
как истребок.
И отдых сделался постылым
И неуютным городок.
Мы умираем очень просто,
По нас
оркестры не звенят.
Пусть так
у взорванного моста
Найдут
товарищи меня.

Публикация Л. ЛАЗАРЕВА

...Я НА ВОЙНЕ СТИХИ В БОЮ

Алексей СУРКОВ

...НА ВОЙНЕ с 26 июня 1941 года. Мне было задание направляться на Западный фронт примерно в пределах Белосток—Барановичи. Я успел доехать только до Могилева. На второй день был в Орше, на третий—в Смоленске. 16 июля 1941 года фронт перекинулся от Смоленска до Ярцева, в 350 километрах от Москвы. Вот этой сотворенной географических названий определяется степень и характер наших чувств в первые два-три месяца войны. Тем, что нам пришлось драться на своей территории, тем, что нам пришлось пережить не предусмотренные кодексом наших довоенных представлений потрясения,— определяется строй стихов, который получил наиболее широкое распространение среди людей, попавших в армию с первого дня войны.

Пришлось первые два-три месяца войны если не молчать, то отвечать на побочные вопросы, которые ставила суровая, неумолимая действительность этих дней. Пришлось быть не те стихи, которые каждый для себя загадал, а писать или очерки, не свойственные людям, или такие вещи, какие мы в те времена писали: фельетоны о Гитле Танкине — стихи, которые можно делать при абсолютно не подходящих для творческой работы условиях. И только тогда, когда выкристаллизовалось в сердце и сознании представление о том, как придется вести войну дальше, начали мы обретать настоящий голос для разговора об этой войне.

Я хочу остановить ваше внимание на этом переломе, потому что для многих людей в нашем Союзе писателей это определило и дальнейшую их судьбу, и дальнейший профиль их жизни.

Пришлось от очень многих вещей отказаться, хотя эти вещи до войны казались абсолютными.

Пришлось отказаться от представления о том, что везде, где мы проходим, мы идем по следам победы. Пришлось отказаться от представления о том, что как только мы подняли руку, то удар, который мы нанесем, обязательно будет сокрушительным. Когда мы встали с глазу на глаз с противником, который двадцать с лишним лет назад разговаривал языком пушек со всей окружающей его Европой, все эти представления подверглись суровому коррективу. И этот корректив нам надо было не только **понять**, но и **почувствовать**.

И вот, исходя из этой переоценки, для меня лично и началась тема нынешней войны, главная, определяющая и, пожалуй, неизменная до того дня, когда последний выстрел смолкнет, — тема исполнения.

Я в начале июля 1941 года написал в прозе (не то проза, не то стихи) первую вещь — «Клятву бойца», с которой я исчисляю свое существование на этой войне. Здесь эта неизбежность была высказана от первого лица человека, который пришел на эту войну и который на полях битв увидел, с кем он имеет дело. Написал я ее потому, что это была основа моего самочувствия о войне, и еще потому, что это было нужно, для того, которым предстоит драться с хорошо организованным, внутренне собранным, идеально подготовленным для броска к победе противником, что эти люди могут тогда только найти в себе и в силу сопротивления, и силу преодоления, когда почувствуют две вещи: что земля, с которой они уходят, — своя земля, и что отдавать эту землю врагу — нельзя, что деления этих без приглашения идущих с запада поработителей таковы, что нельзя наблюдать их равнодушно и на них можно отвечать только одним действием — отпором, возмездием...

...Я хочу еще сказать о читателе. На войне, может быть, как никогда в другое время, упрощается, и уточняются отношения между пишущим и читающим человеком. Если я, числящийся поэтом или литератором красноармейской газеты, приеду в 61-ю стрелковую дивизию и меня спросят, кто я таков, старший батальонный комиссар Сурков, — значит, мне грош цена. На войне отношения складываются так, что для люди тебя признают за нужного себе человека, и запоминают твою фамилию, и приглашают тебя по ротной бедности и по полковому богатству в удачно открытый блиндаж перекусить и выпить стопку водки с ними, или для того, чтобы дать тебе что-то сделать. Если в штабе фронта тебя не знают, этим не нужно смущаться: они не всегда читают свои газеты. Но если ты пришел в полк, или в батальон, или в роту и тебя там не знают, — подумай! Стихи на войне очень читаются, и стихи, которые ты пишешь и которые запомнились, надолго врезаются в память воюющих людей. В первом году войны редко можно было встретить на фронте человека, которому не попался бы в руки энный номер газеты «Правда», где было напечатано стихотворение «Жди меня». Самые правдивые рецензии, которые литераторы получают от читателей, во время войны особенно, — это те самые газетные вырезки, которые лежат в левом боковом кармане гимнастерки человека, идущего сегодня в бой. Если тебе стихи понравились, ты их не только запомнишь, но вырежешь и спрячешь в самое сокровенное место. Таких стихов у нас немного, и не всегда они блещут абсолютным совершенством формы, но они всегда являются выразителями подспудных ощущений человека, встречающего и сегодня, и завтра смерть.

А человек, стоящий перед лицом смерти, — человек требовательный и неподкупный.

И вот пришлось по таким рецензиям мы живем эти два года войны. Я не знаю, что будет после войны, но пока что такие рецензии являются основным коррективом нашего существования в литературе.

Если я еще какой-то товарищ из какой-то части прислал письмо, где сказано, что коммунист Снегин из такой-то роты был на днях убит, и из кармана его гимнастерки выпал партийный билет, и из него выпала кусочек газетной бумаги, залитый кровью, и на этом кусочке бумаги оказалось напечатанное такое-то стихотворение такого-то автора, — вот это для человека, работающего на войну, является, пожалуй, самой решающей и самой существенной рецензией.

Я в августе 1942 года приехал в порядке очередной командировки под Ржев. Тогда мы под Ржевом наступали. В двух с половиной километрах от переднего края наших войск, на развилке дорог, стоял дотлевший. На столбе была огромная фанера, и на этом огромном фанерном щите были написаны четыре строки из стихов одного из наших советских поэтов, напечатанных три дня тому назад в газете «Красная звезда». Уже на этом щите были следы от минных осколков и пулевые следы. И когда я на этот щит посмотрел (мне об этих стихах в Москве говорили, что у них несовершенная рифма, что у них нет равновесия между первой и второй частью, что в них слишком много повторяется слово «убей»), когда я посмотрел на этот щит, я решил для себя: хорошо бы, если бы эти четыре строчки были мои...

Публикация В. НЕЧАЕВА

Из творческого отчета на заседании военной комиссии Союза писателей СССР 12 июля 1943 года.

...Писатели и война

Илья ЭРЕНБУРГ

...БЫВАЛИ войны, когда писатели в священном гневе преклоняли оружье. В обозе заводили с собой поэтов-вестников, ждали поэту, и древние римляне благоразумно исключали муз из своих легионов. Но разве молчали музы, когда марсельские ополченцы отстаивали свободу от коалиции тиранов, когда в ожесточенных схватках русский народ отражал нашествие двунадесяти языков? В воздухе умер старый испанский поэт Антонио Мачадо, он не молчал, и только пули палача заставили замолкнуть чешского писателя Ванчуру.

Пусть строки, написанные сейчас, будут забыты через день или через год, не забудется то, ради чего они написаны. Быстро отгорели ракеты над Волховом, но они помогли спасить и древний Новгород, и судьбу грядущих поколений. Если в дни войны мы и не создадим литературы, мы ее отстоим.

Одна девушка мне написала: «Война—это просвечивание сердца рентгеновскими лучами». Бывают в жизни уроки также минуты, когда слышишь и молчание, оно слышно среди грохота снарядов. Как ждали слова многих писателей осенью 41-го в блиндажах, в избах Смоленщины, на полустанках! Пожалеем тех, кто хотел уйти в немоту, как в бомбоубежище. Промолчим о тех, кто промолчал.

Вспомним о других: о тех, кто писал очерки и статьи в землянках, о тех, кто был прикован к узкому участку фронта, о тех, кто знает фронтовые дороги, горе и радость солдат, о тех, кто был с народом в его самые тяжкие дни. Вспомним погибших друзей. Вспомним все, что сделано советскими писателями, и скажем: у нас много грехов, но в годы испытаний мы не хитрили с совестью, мы воевали.

Могут сказать: где же те прекрасные и нетленные книги, которые покажут потомкам нашу эпо-

Из выступления на IX пленуме правления Союза писателей 5 февраля 1944 г.

...ЕщЕ нет. Скажу откровенно: я предпочитаю страстные отрывистые записи, строки во фронтовой газете, чем тяжеловесный роман, когда тем заменителем «Войны и мира», о которых мечтают некоторые авторы. Великие книги о великой войне будут написаны потом: их напишут участники войны. Разглядывая большое полотно, мы отходим от него на несколько шагов, эпопея требует отдаления, а это отдаление несовместимо ни с ритмом войны, ни с нравственным чувством гражданина. Придет время больших не только по объему книг. Немало ученых увлекали проблемы продления человеческой жизни, но я не знаю увлеченных проблемой сокращения беременности. Сердце не мотор, и творчество не производство. Наши дни не благоприятствуют классической ясности, зрелости, гармонии. Если я все же утверждаю, что в дни войны авторитет писателя возрос, то это не потому, что нами созданы величественные произведения. Иногда коротенькая записка, написанная впопыхах, милее в немалом длинных трактатов. Есть люди исчувствительные к литературе, как есть немузыкальные люди. Даже до них дошел теперь голос писателя. В этом оправдание и радость нашей неблагодарной работы.

Да, перед нами не бессмертные тома, не мрамор — скорее воск: живой голос писателя. Здесь залог будущего счастья, будущих книг: писатели уж не отойдут от народа, и народ не расстанется с писателями. Я попытаюсь объяснить тайну этой встречи. До войны мы часто только описывали происходящее, мы регистрировали события, полные величия, но протокол — это только протокол, даже если он отмечает чудеса. Эмоциональное начало в наших книгах почти всегда было отступлениями. Мы пытались дифференцировать свой голос, но мы становились с палитрой, чтобы запечатлеть автомобильные гонки. Иногда мы комментировали путь человека и общества, плетясь за ними вслед. Не раз, когда я брал в руки роман, мне казалось: это не автор, не режиссер, даже не суфлер, это уборщик, который подметает зал после спектакля. Пришла война. Она обнажила сердце каждого. Наш народ принял бой, вооруженный сознанием, в этом заслуга советского строя. Наш народ знает, за что он воюет. Но на войне мало знать, нужно еще много и сильно чувствовать. Есть мир, где писатель не эхо, не регистратор, не ученик: это мир чувств. Вот почему в такой сильной прозвучал в дни войны голос писателя.

Наши враги показали себя цивилизованными варварами. Мы увидели нашу техническую цивилизацию, лишенной культурного содержания. Несколько лет тому назад в нашей стране было немало молодых, которым машина, фотоаппарат, бритвенный прибор казались синонимами культуры. Я далек от машинобороства, от отрицания роли техники, но я убежден, что наши бойцы, увидав вскоре комфортабельные поезда Кенигсберга или Берлина, отнесутся к ним, как к мишуре, как к презренной бутафории. Нужно привести в равновесие опыт двух поколений: не отвергая достижений цивилизации, приподнять человеческое сознание, благородство чувств, красоту. Ведь куда легче постигнуть секрет железобетона, чем тайну Акрополя или Софии. Стихи Пушкина сложнее любой машины. Мы должны быть технически сильными, чтобы в любой час защитить наши духовные ценности от покушений, но глядя на два полушария, перед свежим примером дикости цивилизованной Германии, мы должны понять значение мысли, слова, сердца.

Мы горды нашим народом, и нет чувства чище. Оно далеко от спеси, от отрицания других народов. В национальном самодовольстве и самовозвышении всегда есть привкус ощущения своей неполноценности. Ценность России еще раз проверена. Мы говорим о ней уверенно и спокойно.

Человек на войне особенно тесно связан с землей. Он как бы слышит рост трав. Предаваясь невольно воспоминаниям, он расширяет, углубляет их, он тянется к истокам народа. Он понимает, что слова вылетали впервые из уст его прадеда, как вылетают жаворонки из хлебов. Есть глубокая правда в расцвете национальных начал. Эта правда написана кровью. Здесь — корни каждого дерева, а мы не хотим быть перекати-полем. Но говоря о величии национального начала, не забудем о том, что именно оно нас обязывает к интернациональной широте. Не забудем о том, что великая русская литература, чуждая обособленности, жила миром и для мира. Мы не отгораживались от очистительных гроз человечества. Мы не только переводили иностранных поэтов, мы их любили. Вспомним Пушкина с томиком Байрона, Тургенева в Буживале. В европейскую литературу мы внесли нечто новое, свое. Ни Гюго, ни Диккенс, ни Бальзак не достигли такой универсальной, всеиндивидуальной широты, как Толстой, Достоевский и Чехов. Мы дали миру примеры самоотверженности и в октябре 1917-го, и четверть века спустя у Сталинграда. Мы стали величайшей державой мира, потому что наши идеалы — это идеалы всего человечества. Наш долг, писателей, сохранить все лучшие традиции и русской литературы, и советского мышления. На одном из писательских совещаний возник спор: включает ли в себя понятие национальной гордости человеческое достоинство или понятие человеческого достоинства включает в себя понятие национальной гордости? Праздный спор: неразрывны, слиты судьба нашей Родины и судьба человечества. Мы помним слова: «Человек это звучит гордо»; они были сказаны о человеке любой национальности, а произнес их русский.

Мы должны в душе каждого гражданина создать то, что создано в душе нашего государства: единство при многообразии. Советский Союз — огромный мир. Различны истоки национальных культур русских и грузин, украинцев и таджиков. Былина и газелла очень далеки друг от друга; обе эти формы обогатили нашу поэзию. Вспомним юмор Украины, строгость Севера, цветистость узбеков, жар Армении: все это наше. И не только это: мы смотрим на Запад и на Восток, мы их объединяем — не механически, но в высоком горении новой культуры. В развитии современной чешской поэзии большую роль сыграли советские поэты: и Маяковский, и Есенин, и Тычина, и Пастернак. Писатели наших республик Востока вдохновляют молодых авторов Ирана, Сирии, Египта. Человеческая культура — это великий сплав. Мы брали и будем брать все ценное у других народов. Мы видели, что мы в долгу перед народами, даем не скупясь, от народного богатства. Я хочу, чтобы наши писатели были бы достойны нашей армии...

Публикация В. МИЛЬМАН и Л. СОЛОВЕЙЧИКА

ПО ПОВОДУ ДВУХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНСОНА

Рисунок из английской газеты «Гардиан»

СВОБОДА, сказал президент Джонсон в своей недавней речи в Балтиморе, — это тот принцип, ради которого наши предки сражались в долинах Пенсильвании». С этими словами президента нельзя не согласиться. Да, почти два века назад американцы поднялись с оружием в руках на борьбу против чужеземных угнетателей, за независимость своей страны.

Но в следующей фразе балтиморской речи (свобода — «это тот принцип, ради которого наши сыновья сражаются в джунглях Вьетнама») нет уже ни грана правды.

Свобода — главный враг Соединенных Штатов во Вьетнаме. Бомбами, напалмом, газами американская военщина пытается подавить южновьетнамское население, вставшее на битву за свободу и независимость. Вашингтон направляет сотни самолетов для бомбардировки суверенного государства — Демократической Республики Вьетнам.

Во всем мире, да и в самих Соединенных Штатах, растет возмущение, ширится движение протеста против преступных действий гравительства США во Вьетнаме. Америка придвинулась к самой грани морально-политического краха — таков непреложный факт.

В этих условиях президент Джонсон и выступил с речью в балтиморском университете. Джонсон говорил.

Газета «Милуоки джорнал» прямо пишет, что балтиморская речь Джонсона нацелена на то, чтобы «подчистить потускневший образ Америки». Выступление президента, добавляет газета «Филадельфия буллетин», «было прежде всего оправданием политики США в свете растущего осуждения этой политики в других частях мира». А херстовская газета «Нью-Йорк джорнал-Американ» заключает, что не балтиморскую речь президента возлагают надежду как на средство «выдернуть ковер из-под ног его критиков как в США, так и за границей».

В балтиморском университете было заявлено о готовности США вести переговоры «без предварительных условий». Официальная пропаганда разрекламировала эту формулу как «поворотный пункт» в политике США, как проявление «миролюбия».

Странное, однако, это «миролюбие». Вот — ни в балтиморской речи Джонсона, ни в его пасхальном заявлении, сделанном на своем ранчо в Техасе, ни в последующих заявлениях американских политических деятелей — не говорится о намерении США прекратить варварские налеты на территорию ДРВ. Напротив, заместитель государственного секретаря Болл, выступая по телевидению, сказал, что американские войска не прекратят своих операций в этом районе мира, если даже начнутся переговоры. Сам президент на своем ранчо подчеркнул: «Мы должны продолжать действовать».

Словно в подтверждение этих угроз всего лишь через несколько часов после выступления президента Джонсона в Балтиморе на территорию ДРВ был совершен самый крупный за все время войны варварский налет американской авиации.

Пиратские рейды реактивных бомбардировщиков, базирующихся на авианосцах 7-го флота и на аэродромах Южного Вьетнама, Лаоса и Таиланда, «будут продолжаться и будут становиться все более эффективными по мере накопления летчиками опыта», — пишет влиятельный обозреватель газеты «Вашингтон пост» Чалмерс Робертс. А в сообщении из Сайгона та же газета пишет, что самые полные сведения о налетах на ДРВ направляются в Пентагон, где эти данные «закладываются в электронно-счетные машины, чтобы изобрести новую тактику и технику» войны.

Заявление президента Джонсона о готовности к «переговорам без условий» нисколько не встревожило лидеров Пентагона, которых обычно бросает в дрожь от фразы «мирное урегулирование». На следующий день после балтиморского выступления президента корреспондент «Чикаго дейли ньюс» Кейс Бич сообщал, что американцы, связанные с ведением войны, с облегчением узнали, что президент не «отложил в сторону большую палку» и что «переговоры с коммунистическим Северным Вьетнамом будут вестись с помощью бомб». Для американских военных чинов, пишет Бич, основной смысл речи Джонсона заключен в словах: «Мы будем применять нашу силу». «Эти слова, — замечает он, — были поняты так, что воздушная война против Северного Вьетнама будет продолжаться согласно плану. Они могут означать также, что американские наземные силы, включая морскую пехоту, которая уже в Южном Вьетнаме, если понадобится, будут брошены в бой». И чтобы уже совсем не оставалось никаких сомнений, «Нью-Йорк таймс» наложила в воскресенье пасхальную речь президента под заголовком: «Джонсон отказывается приостановить бомбардировки...»

Такой же была и реакция южновьетнамских марионеток Вашингтона. Сайгонские генералы, которые и слышать не хотят ни о каких переговорах, были вначале обеспокоены «мирной инициативой» Джонсона. Но вскоре марионетки успокоились. «Мы говорим им, — пишет вашингтонская газета «Дейли ньюс», — пусть вас не беспокоит речь Джонсона. Следите лишь за тем, что мы делаем в военном отношении».

Никуда не уйти от вывода, что предлагаемые правительством США «переговоры без предварительных условий» фактически означают требование, чтобы Демократическая Республика Вьетнам сдала свои позиции, села за стол переговоров и начала эти переговоры под бомбами, обрушивающимися на территорию ДРВ.

Американская пропаганда усиленно рекламирует ту часть выступления Джонсона, где говорится о готовности правительства США вести переговоры по Вьетнаму «со всеми заинтересованными сторонами». Но здесь не подчеркивается, что США не будут вести такие переговоры с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама, который рассматривается Вашингтоном как «агент» ДРВ.

В этой позиции Вашингтона, как метко пишет лондонская «Гардиан», «находит классическое отражение застарелое неприятие (или, добавим от себя, умышленное извращение. — Б. Д.) причин, из-за которых возник кризис».

За последние десять лет в Южном Вьетнаме почти 200 тысяч патриотов подвергались преследованиям, были посажены в тюрьму, высланы или казнены. Миллионы других содержались в концентрационных лагерях, называемых «стратегическими поселениями».

В Южном Вьетнаме идет борьба всего населения страны против сайгонского марионеточного режима и американских интервентов. Даже Джонсон вынужден был признать в Балтиморе, что «оружие из южных вьетнамцев участвует в нападении на собственное правительство».

Руководит героической борьбой южновьетнамского населения Национальный фронт освобождения. В трех четвертях провинций Южного Вьетнама созданы органы управления Фронта. На территории, контролируемой Фронтом, живет две трети всего населения Южного Вьетнама.

Словом, как бы ни пытались в Вашингтоне игнорировать Национальный фронт освобождения, НФО — это реальная сила, которой принадлежит настоящее и будущее в Южном Вьетнаме.

И если правительство США заявляет, что оно не вступит в переговоры с НФО, то в чем же тогда реальный смысл американской формулы «переговоры без условий»?

Президент Джонсон сказал, что на военные цели в Юго-Восточной Азии, не считая «военной помощи», Соединенные Штаты тратят ежегодно около миллиарда долларов. Кто может измерить, какой ущерб, сколько горя и страданий народу Вьетнама причинили американские бомбы и снаряды, изготовленные на эти деньги?

Теперь правительство США, заявляя о намерении продолжать военные действия во Вьетнаме, пытается прикрыть свой агрессивный курс некоей программой «совместных усилий по развитию Юго-Восточной Азии».

Поначалу это предложение Джонсона вызвало определенный интерес в некоторых азиатских кругах. Но уже на следующий день после балтиморского выступления в ходе импровизированной пресс-конференции в саду Белого дома президент пояснил, что у США нет еще конкретного плана и что это лишь «идея», практической разработкой которой должен заняться генеральный секретарь ООН. По словам Джонсона, улита будет ехать следующим образом: «Прежде всего мы намерены рассказать генеральному секретарю о настоящих нашей страны... и мы собираемся подождать, пока он использует свою мудрость... посмотрим, что он предложит, и посмотрим, какие шаги мы предпримем после этого».

Президент Джонсон сказал, что «мир никогда не будет построен с помощью пуль и бомб». Но ведь именно такой «мир» он предлагает вьетнамскому народу. Может ли это привести к чему-либо, кроме новых провалов и поражений американской политики? Недаром в своем выступлении Джонсон заявил: «Нелегко вести борьбу, начало которой неясно, а конец которой не виден».

Впрочем, конец ясен: победа — за борющимся народом.

Бор. ДМИТРИЕВ

Лг 20 апреля

НАДЕЖНАЯ ГАРАНТИЯ

ЗАВТРА исполняется двадцать лет со дня подписания второго советско-польского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Как известно, ныне он заменен новым, только что ратифицированным Верховным Советом СССР и Государственным советом Польской Народной Республики. В связи с ратификацией договора представитель правительства ФРГ опубликовал в западногерманских газетах раздраженное заявление. Впрочем, оказывается, он исходил из «лучших побуждений»: не стоило государственным деятелям обеих стран тратить время на заключение договора, разрабатывать меры для гарантии безопасности: эти гарантии «не имеют смысла, бесполезны и излишни — ФРГ, дескать, и не помышляла никогда угрожать территориальной целостности ПНР, «бундестаг и федеральное правительство не раз осуждали принцип применения силы при решении спорных вопросов».

Позвольте, но если это так, то зачем сам федеральный представитель тратит время и бумагу на доказательство всем якобы известной истины? В том-то и дело, что Бонн столь лихорадочно подталкивает западногерманский эшелон по пути милитаризации, как будто, пишет гамбургский обозреватель Хафнер, война стоит у порога. Война во имя чего? Ответ ясен — во имя захвата польских земель, которые вышеупомянутый представитель Бонна в том же заявлении сам обозначает как «лишь поставленные под польское управление».

Народы Польши и СССР не хотят допустить повторения прошлого. Правильно писала на днях газета «Нойес Дейчланд»: «Никакие происки западногерманских милитаристов, никакие реваншистские притязания Бонна не могут привести к пересмотру результатов второй мировой войны, а окончатся лишь полным провалом».

И вернейшая, надежнейшая гарантия на этом пути — советско-польский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он не только закрепляет условия прежнего договора, но и обогащает его: сотрудничество двух народов, понесших наибольшие утраты во время войны, будет развиваться еще шире и глубже.

Нет такого уголка земного шара, где честные люди оставались бы равнодушными к страданиям, к борьбе мужественного вьетнамского народа. Миллионы людей выразили гневное возмущение вероломной интервенцией в Южном Вьетнаме, варварскими воздушными налетами на Демократическую Республику Вьетнам. На стороне вьетнамских патриотов — солидарность всех революционных, демократических и миролюбивых сил.

На снимке из еженедельника «Франс нувель» — демонстрация французской молодежи, призывающей американское правительство прекратить позорную войну во Вьетнаме, вывести войска США с вьетнамской земли.

С ПАБЛО НЕРУДОЙ ПО ЧИЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Маргарита АЛИГЕР,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

II

В ЭТО воскресенье в Чилиде Неруда впервые за долгий срок был совершенно свободен и наслаждался этим, наслаждался вслух, наслаждался от души, — он это завидно умеет. К вечеру в городе узнали о приезде Неруды, и друзья отыскали нас в гостинице. Иных из них Пабло не видел долгие годы и был им от души рад, а уж они все просто обетовались от счастья. Большой и безликий Гранд-отель с его накрахмаленным рестораном показался скучным для дружеской встречи, и мы отправились большой компанией ужинать куда то почти за город, в предместье Старый Чилиан, отыскали там простую харчевню и устроились за столом во дворике, под открытым небом. Было уже довольно поздно, народу не было, только у стойки бара толпилось несколько молодых людей. Разумеется, не успели мы усесться, как эти молодые люди уже узнали Пабло, уже обступили его, уже потребовали, чтобы он поговорил с ними. И Неруда не уклонился от этого разговора и остался очень доволен. Эти молодые рабочие, интересные, думающие люди, глубоко закапывают в суть вещей, в будущее. Он особо отметил и сказал нам; что у одного из этих ребят есть собственный экземпляр его книги «Odas elementales». Это явление редкое, потому что книги в Чили стоят дорого и не каждый человек может заплатить за книгу столько же, сколько стоит, к примеру, пара крепких башмаков.

В харчевне в столь поздний час не нашлось ничего, кроме чертовски пересоленной утки. Тем охотней пилось чудесное чилийское сухое вино, и мы просидели далеко за полночь, и воспоминания старых друзей чередовались с чтением стихов, и меня заставляли читать по-русски свои стихи и переводы стихов Неруды, и долго и взволнованно спорили о том, можно ли переводить Неруду. Этот вопрос чилийцев всегда очень занимает и волнует, и они никак не могут заснять в нем определенной позиции. С одной стороны, хочется, чтобы их Неруду знали и любили во всем мире, но, с другой стороны, все время хочется настаивать на том, что все равно это невозможно и никому не под силу, что ни на каком языке их Пабло Неруда не может звучать так прекрасно, как на родном «кастельано». Наверное, это так и есть, но что ж тут поделаешь?!

Следующим утром мы покинули город Чилиан, но нам еще долго сопутствовал вулкан Чилиана, тяжелая каменная громада, видная за десятки километров. Он — спасибо ему — бездействует уже давно, с 1939 года, когда он изрядно поработал и наворчал. Вот надоло ли?

В дороге нам приходится проводить немало времени, но мы его даром не теряем, и эти часы разговора у нас хватает с избытком. Когда бы не эти долгие поездки, мы бы, наверное, о многом так и не успели поговорить, — ведь стоит нам куда-нибудь прнехать, и вокруг Пабло уже толпа народа, и ни одной минуты ему не обойтись, через которые не пробиться. А в дороге он свободен, он покоен и весел и словоохотлив, охотно раздумывает, рассказывает, вспоминает, шутит.

Однажды за границей я повстречался с одним видным политическим деятелем Америки, — рассказывает Неруда. — «Что слышно нового в Чили?» — спросил он меня. «Да вот, упорно говорят, что мы с Пабло Нерудой поженились!» — ответил я. «А вы что думаете об этом?» — без тени юмора спросил мой высокий собеседник. «Я думаю, что чилийская политическая ситуация, политическая жизнь, политическая борьба, все связи и переплетения столь сложны и запутанны, что мы и сами с трудом в этом разбираемся, да и разбираемся ли вправдь, вот вопрос. Если бы большевики из Москвы могли вникнуть в эти хитросплетения, понять их настолько, чтобы даже давать указания, как следует поступать в этом или в другом случае, они были бы просто гениями. Я лично очень высоко ставлю московских большевиков, но все-таки не настолько. А вы?»

— Разумеется, люди на свете живут в общем довольно похоже. У меня даже есть на этот счет своя теория. Я считаю, что когда-то, в незапамятные времена, земля наша, собственно земля, земной шар то есть, была очень маленькой и люди на земле жили очень тесно и близко и все у них было сообща и похоже. А потом земля стала расти и расти и вот как разрослась, и людей разнесло далеко друг от друга.

А то вдруг Неруда начинает серьезно беспокоиться, почему долго не женится один из его любимых молодых друзей, чудесный художник Хулио Эспаньес. И обдумывает всерьез, как бы его женить и на ком, и организовывает чуть что не заговор с этой целью.

МЫ много говорим о чилийской поэзии, о новых силах ее, о поэтах современности. Наиболее приметной фигурой молодого поколения Неруда, как, впрочем, и многие другие, считает Энрике Лина. Это яркая индивидуальность, поэзия современной поэт, и сознанию, мы еще не знаем его поэзии, еще не переводили его. Он высоко оценивает Гонсало Рохаса, — мы вчера виделись с ним в Чилиане. Его последняя книга «Copia la muerte» правдива и оригинальна и вызвала большой интерес. Интересны Армандо Урибе, Делиа Доминтес, Хувенсио Валье, поэт того же поколения, что и Никанор Парра, которого в Советском Союзе уже знают. А вообще в Чили поэтов — великое множество, и многие из них по-настоящему интересны и значительны. Об этом следует помнить при составлении антологии чилийской поэзии, — я говорила о том, что наш «Литиздат» издает книгу в серии «Поэзия Латинской Америки». Так вот, не следует именовать ее антологией, ибо всех чилийских поэтов включить в нее невозможно и не стоит обижать тех, кто в нее неизбежно не попадет.

Неруда много расспрашивает о нашей поэзии, о наших поэтах, о своих старых друзьях и о молодых людях, которым так интересуются сейчас во всем мире. У него представления о них более реальные и определенные, чем у иных наших зарубежных коллег. Он больше знает и лучше чувствует внутреннюю суть. Его интересует наша литературная жизнь, его чутье помогает ему нередко координировать ту нефокусированную информацию, которую дает о нас зарубежная пресса. Он, как и в прошлую нашу встречу, много говорит о необходимости переводить и издавать в странах Латинской Америки советскую литературу. Он думает об этом практически, разговаривал даже с больным аргентинским издательством, предлагал этому издательству выпустить библиотеку советского романа. Переводы можно будет осуществлять в Москве — это будет квалифицированнее и серьезнее, чем тот перевод, который может быть сделан местными силами.

Вообще к вопросу переводов прозы на испанский язык у него неизмеримо более спокойное отношение, чем к тем же вопросам, связанным с поэзией. Эти проблемы его неизменно остро волнуют, оно и понятно. В прошлую нашу встречу, два года назад, он был озлоблен переводами наших книг в испанском издании журнала «Советская литература». Сейчас он отмечает многие удачи журнала, рад им. Он сделнт это надеюсь, оно дает ему представление о нашей поэзии, возможность иметь свое суждение, не доверяться оценкам буржуазной печати. Он тепло говорит о благородном труде крупнейшего нашего испаниста Федора Кельина. Сокрушенно вспоминает о недавно скончавшемся Сесаре Арконада, бесменном рецензоре испанской и Советской литературы. «У него была горькая судьба, но он достойно пронес ее и сумел прожить вторую половину своей жизни не несчастным изгнанником, а заметным культурным деятелем». Он бесконечно много сделал для того, чтобы связать наши две культуры». У Неруды — давняя мечта добиться того, чтобы латиноамериканские страны могли посылать в Советский Союз молодых поэтов для длительного изучения русского языка и советской поэзии, для того, чтобы они могли осуществлять переводы этой поэзии на родной язык. Он верит в то, что это будет интересно и своевременно. Может быть, и так, но кто знает?! Поэтический перевод — дело тончайшее, и решительно неизвестно, что надо делать для того, чтобы они удавались. Разумеется, надо пробовать все и искать различные пути, пробовать и добиваться. Вот он, Неруда, скоро будет в Москве и непременно будет разговаривать и об этом.

Неруда уезжает в Европу в середине марта. Уезжает он надолго, на несколько месяцев, может быть, на год. Будить становится все труднее и труднее, часто это делать уже невозможно, надо провести в Европе некоторое время, переделать все дела и вернуться домой надолго, может быть, навсегда. Это звучит грустно и трудно уживается с тем, что человек говорит об этом в пути, переезжая с места на место, почти не отдыхая. Так Неруда живет, в сущности, целый год — сначала активно участвуя в предвыборной кампании, предшествовавшей президентским выборам, после которой почти сразу же началась новая, нынешняя предвыборная кампания. И в Европе у него дел хоть отбавлй. Начнет он с того, что приедет в Москву на заседание Комитета по международным Ленинским премиям, вслед за тем он приглашен в Англию, потом другие приглашения, встречи, обязанности... Самолетом в Монтевидео, а оттуда пароходом до Франции. Поэт в Европу летит 20—23 часа. Это уже тяжело. До отъезда надо переделать множество дел, все дела привести в порядок, надо заплатить все налоги и даже вперед, без этого из Чили не выехать, вам попросту не дадут выездной визы.

Хлопот полон рот, но ничего не поделешь, зато на пароходе он отдохнет, и, может, ему даже удастся поработать, пописать стихи. Если он только не разучился, — вот уже год, как он не пишет стихов, а только читает их вслух на митингах.

...НА иных митингах мне удалось побывать, и атмосфера там бывала такая, что мне порой приходилось напоминать себе, где я, — уж очень это было ланаком. Оркестр играл «Интернационал», на сцене, или верней на эстраде, стоят красные знамена партии и профсоюзов, и стол, за которым сидит президиум митинга, покрыт красным кумачом. И повсюду лозунг этой кампании: «Время истинных перемен, вперед с коммунистами!»

И выступления на митингах большого поэта, который просто и свободно разговаривает с огромным собранием и так же естественно и просто завершает свою речь чтением стихов, — в этом тоже есть что-то очень близкое и знакомое нам, это наша практика, наша форма общения с народом. И мне, право же, трудно представить поэтов Европы, даже самых близких нам, наших друзей и товарищей, выступающими на огромных уличных митингах, на запруженных народом площадях больших промышленных центров, и на берегу океана в рыбачьих деревушках, и на зеленых центральных площадях маленьких провинциальных городов. А для Пабло Неруды это абсолютно естественно и органично. Для Пабло Неруды и для его поэзии.

Мне особенно запомнился один митинг своей необычностью и непохожестью на другие. На закате мы выехали из маленького города Пенко, центра сахарной и керамической промышленности. Ехали мы дивной дорогой, вьющейся над лагуной, у подножия горы, порросшей типичным чилийским лесом, где хвойные деревья, перемешанные с гигантскими араукариями, кое-где разрежены пальмами. И с одной стороны еще догорал закат, а с другой, совсем с другой, совсем с противоположной, чем у нас, на нашем полушарии, всходила луна. Уже синевато смеркалось, когда мы выехали в Томé, городок или, скорей, поселок на самом берегу океана. Жители Томé — рабочие-текстильщики и рыбаки — всегда и во всем поддерживают коммунистическую партию страны, — здесь, в этих краях, полностью победил на последних выборах кандидат ФРАП Сальвадор Альенде. Центр поселка — красная площадь, заселенная большими деревьями. Мы проезжаем мимо церкви, выходящей на эту же площадь. Церковь открыта и освещена, на паперти народ, слышно пение, горят свечи, в церкви идет венчание.

Митинг будет тут же, на этой площади, на ее противоположной стороне. Там сооружена эстрада, и вокруг нее уже толпится народ. Звучит музыка, народная, чилийская, на эстраде выступает маленький самодеятельный ансамбль, играют отличные гитаристы, и чудесные народные песни сменяются традиционной кукой — долгой и самозабвенной пляской. Артисты, разумеется, в национальных костюмах, в ярких пончо, со шпорами, украшенными звездой. Этот маленький концерт под открытым небом, где так остро пахло океаном, под огромной, сбизу подсвеченной араукарией, словно бы не прерывались, перешел в собственно митинг, своеобразный и театрализованный. Его вели двое, юноша и девушка, которые сперва, чередуя мужской и женский голоса, рассказывали собравшимся о том, что такое Чилийская коммунистическая партия, о ее деятельности, о главных событиях в ее жизни, о том, сколько хороших людей в ней состоит.

Говорили эти двое очень необычно, своими, взволнованными словами, которые подчас глубоко трогали, и речь их часто прерывали аплодисменты. Потом они стали выпускать ораторов, объявляя каждого очень индивидуально и так, чтобы людям было интересно послушать именно этого шахтера, учителя, именно этого известного хирурга. Шел митинг, и шло венчание в церкви за спиной у толпы, собравшейся на митинг, но перед лицом эстрады, перед лицом выступавших ораторов. С чего же начал свою речь поэт Пабло Неруда, когда ему представили слово? Он поздравил новобрачных — не знаю, может быть, они именно в этот момент выходили из церкви, нам это не было видно, это происходило у нас за спиной. Он поздравил новобрачных поэтически душевно, мягко и ласково и чуточку грустно и от души пожелал счастья им и их будущим детям, и вот о том, что надо делать, как надо жить всем людям, всем чилийцам, для того, чтобы эти молодые люди и их дети были счастливы, он и говорил. Говорил задумчиво и негромко, словно бы не с ораторской трибуны перед большой площадью, а с глазу на глаз с двумя только что обвенчанными молодыми людьми, и с каждым человеком, слушающим его. И когда он называл имя североамериканской компании, надо полагать, по звучности выраженное имя «Анаконда», от этого и впрямь становилось жутко. «Не давайте Анаконде задушить Чили!» — призывал поэт.

Митинг кончился поздно. Молодые уже давно уехали, и в церкви погасили свечи и заперли двери. Мы ехали над ночной, уже невидимой лагуной, и только кое-где, по побережью, мерцали огоньки рыбачьих сетей. Зато небо над головой пылало во всю мощь ослепительных звезд и созвездий Южного полушария. Позади был долгий рабочий день, впереди было завтра, новые поездки, новые площади, новые речи. «Так вот я живу уже целый год, — с места на место, с митинга на митинг, — негромко говорил мне Пабло. — Уже целый год я работаю только так, не имея возможности добраться до письменного стола. Иногда грешу: прихвачу в дорогу, в поезде или в машине вспоминаю, что я поэт».

Я СЛУШАЛА молча, не перебивал и не возражал, но думала про себя, что вот тут он, пожалуй, неправ. Поэт это пожалуй, сильное поэтическое преувеличение: он всегда поэт, прежде всего поэт, где бы он ни был, что бы он ни делал. Сидит ли он за столом, разговаривает ли с людьми, едит ли, ходит ли пешком, он — Пабло Неруда, поэт своей жизни, своего времени, своего народа.

САНТЬАГО—МОСКВА

Окончание. Начало см. «Литературную газету» от 17 марта.

Факты, полемика, обобщение

ОДНА из главных задач интересной и содержательной книги Юрия Жукова «Без языка» — в противопоставлении искусства реалистического, народного, целеустремленного искусству формалистическому, создаваемому для гурманов, уводящему от истинной реальной жизни в мир фантасмагорий, ребусов и загадок.

В этой связи весьма показательно столкновение точек зрения на искусство двух известных итальянских кинорежиссеров Нанни Лоя и Федерико Феллини.

«...Как можно ближе к действительности, — говорит Нанни Лой, — это элементарный язык реализма... Я не люблю фильмы, которые делает в столице узкий круг рядом с определенной среды...» Лой не называет при этом Ф. Феллини, пишет Ю. Жуков, но не случайно сам Феллини, создавший в свое время такие острые обличительные фильмы, как «Дорога», «Ночи Кабирии», «Сладкая жизнь», говорит о том, что его картина «8½» является чем-то средним «между бессвязным психоаналитическим сеансом и беспорядочным судом над собственной совестью, происходящим в атмосфере преддверия ада».

Активно поддерживая все прогрессивное, все истинно новаторское в искусстве зарубежных стран, Ю. Жуков весь огонь своих полемических заметок направляет против явлений распада и разложения современной буржуазной культуры. Именно в этом, в беспощадном разоблачении лженоваторства, лишающего искусство его основной цели, истинного «языка» — основной пафос книги.

В книге собрано множество конкретных, убедительных фактов. Но это не эмпирическое нагромождение деталей. От конкретного Ю. Жуков всегда переходит к большим теоретическим обобщениям.

Одна из наиболее интересных глав посвящена театру абсурда, которому противостоит реалистические, связанные с массами театры Роже Планшона или Жана Вилара. Юрий Жуков вскрывает формалистические корни театра абсурда, анализируя последние, идущие на сценах Франции и США пьесы Беккета, Ионеско, Жене, Бекфара, Копита, их мрачную символику, выражающую победу Смерти над Человеком. Справедливо отмечает Ю. Жуков отход от театра абсурда среди прочих такого талантливого драматурга, как Артюр Адамов, сумевшего преодолеть свои эстетические взгляды и стать на позиции настоящего реалистического искусства.

В нашей прессе было немало статей, посвященных борьбе с абстрактной живописью. Юрий Жуков не повторяет уже сказанного. В главе, посвященной живописи, он ведет огонь по теоретикам и практикам поп-арта, считающим, что они, сменив абстракционистов, подняли живопись на новую высоту. Между тем полотна поп-артистов, в особенности американских, находятся вне всяких пределов искусства. На этих «полотнах» пытаются еще, потрафляя новой моде, спекулировать американские и европейские маршаны. Иные музеи покупают изделия Роберта Раушенберга и вешают их под одной крышей с творениями Рембрандта и Рубенса. Но народ всегда отличит истинное от фальши. Совсем недавно в Лондонской галерее Тейта я слышал, как гневно осуждал английский учитель скульптуру Генри Мура, стоящую рядом с великим Роденом.

Здесь следовало бы, пожалуй, больше сказать о том вредном воздействии, которое оказывают фантасмагорические произведения Сальвадора Дали на многих молодых художников. Это не просто трюкачество. Это пострашнее...

И, наконец, очень богатая по материалу глава, посвященная кинематографу. В ней и обличение картин Голливуда, пронизанных милитаристскими и антикоммунистическими идеями; и удар по той «эстетике» грязи и секса, которая положена в основу ленты американских фильмов; и интересный рассказ о сложностях итальянской и французской кинематографии, о достоинствах и недостатках последних картин, о трагической теме одиночества (в фильмах Антониони), о борьбе реалистических и формалистических тенденций даже в творчестве больших и талантливых мастеров Запада.

Хочется сказать о том книги Ю. Жукова. Автор глубоко заинтересован в судьбах искусства. Он показывает все явления в историческом их развитии. Книга его далеко не однотонна. В оценках его — и горечь, и беспокойство, и возмущение, и гнев. Автор книги «Без языка» не наблюдатель со стороны, а партийный публицист, которого глубоко волнуют судьбы искусства, сложные и многогранные процессы его развития.

Александр ИСБАХ

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 9-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — В 8-54-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 00663

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).